

Книга интересно иллюстрирована, но желательно было бы видеть в ней больше этнографических бытовых сцен, представляющих полный ансамбль мужского и женского костюма разных субэтнических групп. Кроме того, в работе, где рассматриваются отдельные группы этноса и связи их с географической средой, необходима карта Крыма с обозначением зон расселения. Тем не менее эти недостатки не снижают несомненной значимости работы.

Собранный Л.И. Рославцевой по крупицам материал дал ей возможность впервые воссоздать полный комплекс многоэлементного крымско-татарского костюма с его региональной спецификой и в динамическом развитии (тесно связанном с происхождением и историей самого народа). Особая значимость книги состоит в том, что она в значительной мере заполняет лауну, которая образовалась в результате длительного умалчивания целого народа, его истории, культуры и духовной жизни.

Рассматриваемая монография – образец глубокой разработки вопросов материальной культуры любого этноса.

Обоснованность авторских положений, свой, нестандартный подход к объекту исследований делают работу Л.И. Рославцевой серьезным вкладом в историю крымско-татарского этноса.

О.Н. Иневаткина

© 2002 г., ЭО, № 3

Handbook of North American Indians / Gen. ed. W.C. Sturtevant. Vol. 13. Plains / Vol. ed. R.J. DeMallie. Wash., 2001. XVI, 1360 p., ill.

"Справочник по индейцам Северной Америки" (далее - HNAI) - один из самых масштабных проектов в истории изучения коренного населения Нового Света. О выходе 12-го тома, "Плато", уже сообщалось¹. Новый посвящен Великим Равнинам - в современном американском словоупотреблении просто "Равнинам". Из-за большого объема он разбит на две части с единой пагинацией.

Первая попытка создать справочник по культуре индейцев была предпринята еще в начале XX в.² Гораздо больший научный резонанс имел "Справочник по индейцам Южной Америки" под редакцией Дж. Стюарда³: шесть томов, изданных в 1946-1950-х годах (еще один том с указателями вышел позже), содержали не только исчерпывающие для своего времени данные по этнографии континента, но и новую, неэволюционистскую концепцию доколумбовой истории. Появившийся в 1960-1970-х годах "Справочник по индейцам Центральной Америки"⁴ разочаровывал конспективным характером приводимых данных, особенно этнографических, и отсутствием ясной научной концепции. По прошествии многих лет после выхода основной серии томов дополнительные все еще допечатываются, выполняя по сути дела роль аннотированного библиографического указателя.

20-томный HNAI значительно превосходит предшествующие "Справочники" как объемом, так и систематичностью. HNAI был задуман в 1965 г., когда наука, в том числе и гуманитарная, еще оставалась независимым и престижным общественным институтом. Ни ее главное назначение (получение новых знаний) ни объективный характер самого знания всерьез не оспаривались. Не забудем, что именно конец 1960-х - начало 1970-х годов были временем осуществления поразительно результативных программ по изучению центров культуро- и политогенеза в Новом и Старом Свете.

С конца 1970-х годов наука стала утрачивать автономию и оказалась в финансовой и даже юридической зависимости от самых разных общественных институтов и организаций. В археологии основные средства стали направляться не на фундаментальные разработки, а на рутинные спасательные раскопки, предшествующие хозяйственному освоению территории. Требование индейских общин передавать им для захоронения все обнаруженные при раскопках человеческие останки (независимо от их возраста) сделало темой бесконечных судебных тяжб⁵.

В то же время методический уровень и техническая оснащенность исследований значительно выросли. В этнологии наблюдения в основном уступили место интерпретации культур с позиции их носителей. За бесспорным утверждением о равновеликой ценности всех культур все чаще следовал вывод, будто евроамериканская антропология с ее "иудео-христианскими" корнями⁶ не отличается принципиально от

"этнонауки"⁷, т.е. от традиционных представлений и верований. Критерии объективности, проверяемости и прогрессивного накопления знаний как основа для различения науки и ненауки⁸ в этих случаях игнорируются. Неудивительно, что проект типа HNAI в глазах многих потерял актуальность. Публикация некоторых томов задержалась на четверть века, и они устаревали еще до выхода из печати.

Следует поэтому отдать должное редакторам и авторам HNAI. Хотя работа над "Равнинами" началась еще в 1971 г., в 1999-2000 гг. почти все статьи были переписаны и полностью отражают современный уровень знаний.

Концептуально создатели HNAI продолжают стьюардовские традиции в антропологии. При изложении фактов выдерживается определенная (для нас впрочем естественная) субординация - от природных условий, средств и способов производства через социальные отношения к духовной культуре. Исторические процессы рассматриваются по возможности в адекватном пространственном и временном измерении. Заселению континента должен быть посвящен особый том, а начиная с Архаики (т.е. примерно со среднего голоцена) для каждого субареала прослеживается вся дальнейшая линия развития индейских культур вплоть до сегодняшнего дня.

В "Равнинах" стратегия подачи материала несколько отличается от той, которая была реализована в томе "Плато", где приоритет отдавался полноценной исторической реконструкции, и данные археологии, языкознания и этнографии нередко рассматривались в совокупности. Авторы рецензируемого тома стараются прежде всего избежать необоснованных догадок и допущений, попыток сделать картину прошлого более ясной, чем она есть. Соответственно в "Плато" лучше просматривается некая повествовательная линия, тогда как "Равнины" - это именно справочник, где библиография занимает шестую часть листажа.

Пытаясь описать историю культуры Равнин, авторы столкнулись со сложной задачей. Если для последней четверти XIX в. мы располагаем первоклассными этнографическими описаниями, то о начальном периоде европейско-индейских контактов и формировании хозяйственного типа конных охотников на бизонов известно мало. Что же касается данных археологии, то их полноценное обобщение на материале Равнин до сих пор вообще не было осуществлено. Не только для российского, но и для американского пользователя рецензируемый том - источник той информации, которую он ранее вряд ли мог получить, поэтому в нашем обзоре мы сосредоточим внимание на тех сведениях, которые читателю скорее всего не известны.

Равнины - самый обширный североамериканский историко-культурный ареал, протянувшийся от границ тайги в центральной Альберте и Саскачеване до техасских субтропиков и от Скалистых гор до Иллинойса. Расположение отдельных районов по линии север-юг (более чем 3000 км) определяет огромные различия в зимних температурах, а по линии восток-запад - в количестве осадков. Объединяющими признаками являются преимущественно равнинный с отдельными гористыми участками и открытый ландшафт (редколесья, лесостепи, степи, полупустыни), а также особенности местной фауны. Хотя бизоны не были единственным объектом охоты, а численность стад колебалась по периодам и районам, именно изобилие этих животных неизменно определяло хозяйственную специфику Равнин.

Как особая природная зона Равнины сформировались в раннем голоцене, примерно 10 000 лет до н.э.⁹ Наименее определена восточная граница ареала, где участки высокотравных прерий на водоразделах и смешанных лесов по долинам рек расположены чересполосно. Восточная область Равнин выделяется в особый субареал - Прерии, более обильный ресурсами, чем западная - Высокие Равнины. От последних мало отличаются по природным условиям некоторые котловины и плато в пределах Скалистых Гор, относящиеся уже к ареалу Большого Бассейна.

С точки зрения культурогенеза Равнины долгое время занимали периферийное положение в пределах Североамериканского континента. Изменения климата сказывались здесь на жизни людей особенно сильно, поскольку увеличение или уменьшение количества осадков приводило к резкому смещению природных зон. Так, в конце I тыс. н.э. с наступлением теплого и влажного времени (викинги воспользовались им для плаваний к Ньюфаундленду и Лабрадору) восток и юг ареала оказались внезапно втянутыми в процесс становления производящей экономики и усложнения социальных структур, хотя прямые импульсы Миссисипской цивилизации сюда и не доходили. Однако как только в XV в. количество осадков сократилось, земледелие снова утратило свои позиции и началось почти повсеместное возвращение к охоте на бизонов как основному роду занятий.

Климатические изменения отражались и на жизни ранних охотничье-собираТЕЛЬСКИХ обществ. Альти-термаль на Равнинах оказался не климатическим оптимумом, как в большинстве регионов планеты,

но эпохой катастрофической аридизации. Оскудение пастбищ привело к сокращению поголовья копытных и соответственно - численности населения. Между 6500 и 3000/2500 г. до н.э. в пределах Равнин были обжиты лишь небольшие территории, где по тем или иным причинам увлажненность не упала ниже критического уровня. На слабость трансареальных связей в это время указывает разнообразие местных типов каменных орудий.

В целом доколумбова история Равнин свидетельствует о том, что в аридных зонах переход к производящей экономике и отказ от нее во многом определялись климатическими колебаниями. То же самое можно сказать и о северной земледельческой границе, с той разницей, что критическим фактором там являлись не осадки, а температура.

Начало альтитермала в Северной Америке совпадает с началом эпохи Архаики. Ее маркером служит смена господствующих типов кремневых наконечников. Вместо ланцетовидных появляются подтреугольные, имеющие с обеих сторон в нижней части по выемке - с боков или по углам. Эта смена затронула все территории от Атлантики до Калифорнии, но точная синхронизация отдельных локальных эпизодов подобного рода пока неосуществима. Другая тенденция, характерная для Архаики - распространение терочных камней, связанных с обработкой растительных продуктов. Начало данных процессов относится ко времени 7000-6500 г. до н.э., т.е. около 7500 лет назад по радиоуглероду без поправки.

Нет оснований считать, что наступление и завершение альтитермала сопровождалось кардинальными изменениями языковой карты. Вместе с тем мы не знаем, представители каких языковых семей могли жить здесь ранее I тыс. до н.э. Почти все известные нам народы Равнин (по языку атапаски, юто-ацтеки, алгонкинцы, сиу и кэддо) проникли сюда гораздо позже, некоторые уже после Колумба. Исключение, вероятно, составляют тонкава в Техасе и, возможно, кайова. Язык кайова родствен языкам земледельцев пуэбло (конкретно тива, тева и других таньо) на Рио-Гранде, но непосредственные предки кайова недавно переселились на юг Равнин из северо-западного Вайоминга. Где находилась прародина кайова-таньо, не установлено. Каких-либо сведений о дюето-ацтекских языках тех областей Большого Бассейна, которые прилегают к Великим Равнинам с Запада, также нет.

Юго-западный угол Равнин в Колорадо, Техасе и Оклахоме отличался от остальных территорий, и в определенном смысле его можно считать периферией американского Юго-Запада. Наряду с подвижными охотниками-собираателями здесь издавна были представлены и относительно оседлые группы. С начала Архаики в Колорадо встречаются постройки из обмазанных глиной растительных материалов (wattle-and-daub), для других районов Равнин совершенно нехарактерные. В I тыс. до н. э. - I тыс. н. э. местная культура близка предковой для пуэбло культуре корзинщиков, хотя следов земледелия не обнаружено. В конце этого периода здесь появляются круглопланные дома, сложенные из камней без раствора. В пищу широко употреблялись желуди, что вообще типично для Северной Америки¹⁰. Комплекс энтилоуп крик на северо-западе Техаса (XIII-XV вв. н.э.) включает настоящие оседло-земледельческие поселки из примыкающих друг к другу прямоугольных домов, стены которых сложены из каменных плит.

Керамика связана с традициями востока США, но есть и импортная посуда пуэбло. Ниже по р. Вашита (приток Ред-Ривер) встречаются подражания миссисипской керамике из Спиро-Маунд. То, что подобные поселения во второй половине XV в. были покинуты их обитателями, вероятно, превратившимися в обычных для Равнин охотников на бизонов, есть один из частных эпизодов общего коллапса, охватившего территорию Большого Юго-Запада и всю его периферию. В это время исчезли культуры фремонт (в пределах Большого Бассейна) и могольон (в северной Мексике - на крайнем юге Аризоны), а главная на Юго-Западе традиция анасази оказалась редуцирована до ее этнографически известных фрагментов - хопи, зуни, западных керес и пуэбло на Рио-Гранде.

Археологические материалы по юго-западу Равнин объясняют, как кажется, загадку южных атапасков. Хотя апачи и навахо отделились от своих языковых родственников в Канаде лишь около тысячи лет назад¹¹, генетически они сближаются не с ними, а с пуэбло¹². Мифология апачей и навахо также разительно отличается от мифологии северных атапасков, но сходна с мифологией пуэбло. То же касается и изобразительного искусства. Если южные атапаски просто заимствовали новые элементы культуры от обитателей Орайби, Лагуны или Ислеты, но сохраняли свою обособленность, столь полная и быстрая ассимиляция с трудом объяснима. К тому же, несмотря на долгие поиски, никаких археологических следов атапасков на Юго-Западе не обнаружено.

Возможно, предки апачей и навахо не подверглись влиянию исторических хопи, зуни или таньо, а были целиком поглощены теми "пуэблоидными" группами Техаса и Оклахомы, которые еще недавно были оседлыми земледельцами, но затем перешли к охоте и собирательству. Подобные группы сохраняли общие

с классическими пуэбло традиции духовной культуры и генотип. Если они были разноязычны, распространение среди них в качестве лингва франка языка малочисленных, но мобильных пришельцев (т.е. атапаскского) не выглядит удивительным.

Как уже было сказано, время, синхронное эпохе викингов в Северной Америке, было климатически благоприятным. В VIII в. н. э. на востоке Равнин, а именно на средней Миссури и на ее притоке Платте появляются оседло-земледельческие поселения. Земледельческая колонизация затрагивает и юг ареала. Этот процесс был скорее всего обусловлен демографическим взрывом на Юго-Востоке США после проникновения туда (из Мексики и, может быть, из Южной Америки) высокоурожайных сортов кукурузы.

Переселявшиеся с востока по долинам рек земледельцы говорили на кэддо (вичита, пауни, китцаи, арикара) и на сиу, точнее, на тех языках этой семьи - кроу-хидатса и мандан - которые раньше других отделились от основного ствола (характерно, что у кроу память о далеких переселениях не сохранилась). Прародина сиу находилась в бассейне Огайо, о чем свидетельствуют как маршруты миграций отдельных племен, так и родство протосиу и языка катамба в Каролине. Кэддо распространились с низовьев Миссисипи.

Поселения земледельцев, начиная с XV в. в ряде случаев укрепленные, располагались в поймах главных рек. Жилища представляли собой землянки поперечником от 10-15 до 20 м, чаще прямоугольные, реже круглые. Их крытая дерном крыша опиралась на столбы. Подобный тип дома заставляет вспомнить о северных атапасках и эскимосах, но в ареале Равнин свидетельствует о восточных связях.

В последние века перед появлением европейцев на Равнины из районов к западу от оз. Мичиган переселились три новые группировки сиу: дакота, или собственно сиу (ассинибойн-стоуни, дакота, они же тетон, янктон-янктонаи, санти), чивере (айова, ото, миссуриа) и дегиха (омаха-понка, канса, осэдж). Большинство из перечисленных групп к периоду европейских контактов утратили навыки земледелия (если имели их раньше), остальные занимались им мало. Несколько позже из района к западу от оз. Верхнего продвинулись шейены - охотники-собиратели, по языку алгонкины. Выйдя из лесов в степи, они перешли к специализированной охоте на бизонов и научились от индейцев средней Миссури некоторым навыкам огородничества. Вместе с кри и оджибва шейены оттеснили на юг и запад те алгонкинские группы (черноногие, гравант и арапахо), которые проникли в ареал раньше.

Чивере (вместе с родственными им, но оставшимися на Среднем Западе виннебаго) считаются потомками создателей культуры онеота, сформировавшейся в X в. в центральном Висконсине близ условной восточной границы ареала Равнин. Ее создатели сеяли кукурузу, но присваивающие отрасли могли играть в их хозяйстве не меньшую роль. В XII-XIII вв. онеота контактировала с Миссисипской цивилизацией, о чем свидетельствует появление в некоторых районах пирамидальных земляных платформ под особо значимыми постройками, высококачественной парадной керамики, фигуративных изображений с характерными миссисипскими элементами. В это время сама миссисипская "столица" Кахокия уже переживала кризис и вскоре оказалась покинутой, на первый план выдвинулись более южные и восточные центры. Хотя кризис Кахокии был вызван, как считается, в конечном итоге изменением климата, предки чивере могли приложить к этому свою руку¹³.

Что касается кэддо, то самая северная их группа, арикара, вышла на Миссури и образовала единую культурную общность с мандан и хидатса. К XIX в. арикара даже в неурожайные годы обеспечивали себя земледельческими продуктами, а обычно еще и выменивали кукурузу на мясо и шкуры бизонов. Вичита же и пауни после появления лошади от земледелия почти отказались.

HNAI содержит ценные сведения для исследователей социо- и политогенеза. Как и в ареале Плато, среднemasштабные общества на Равнинах, по крайней мере в ряде случаев, формировались в отсутствие производящей экономики. При этом если культура Плато неизменно развивалась в направлении все большей оседлости, то на Равнинах даже для земледельческих групп был характерен годичный ритм, включавший периоды концентрации и рассеивания.

У индейцев Равнин выделяются социальные объединения двух уровней: локальная группа (англ. band) численностью от нескольких десятков до нескольких сотен людей и племя. Подвижные племена Высоких Равнин зимой дробились на локальные группы, а летом собирались вместе, ставя типи по кругу. Расположение семейных типи в пределах круга год от года не менялось, жилища вождей располагались в центре. Круг жилищ мог иметь космологические ассоциации (земля и небо у омаха). В летние лагеря иногда собирались вместе несколько племен. Председателем племенного совета был глава одной из локальных групп. Земледельцы на Средней Миссисипи (арикара, мандан и хидатса) следовали сходному, но более сложному годовому ритму с двумя периодами рассредоточения и двумя - концентрации (в летнем лагере для главной бивоньей охоты и в базовом поселении для проведения земледельческих работ).

Зимнее разделение племени на небольшие группы было обусловлено отсутствием в это время крупных стад бизонов. Когда однажды шейены решили не расходиться, они оказались перед угрозой голодной смерти. Соединение же в крупные лагеря диктовалось прежде всего нуждами обороны. Летом, когда велись военные действия, оно было условием выживания.

Оптимальная численность племени составляла 2-3 тыс. чел. (у шейенов, арапахо, гравантр, омаха, канса). Племена численностью менее 1 тыс. чел. (сарси, степные апачи, айова, ото, миссурна, понка) примыкали к иноязычным племенам и иногда оставались на одном месте круглый год, а насчитывавшие 4-10 тыс. чел. вообще не действовали как единое целое. У черноногих было три племени, у пауни - четыре, у кроу и осэдж - по два, у дакота - семь, у команчей - четыре основных и несколько мелких. Подобные подразделения имели собственные территории и часто собственный диалект.

Нельзя не заметить, что годовой ритм у индейцев Равнин сходен с тем, который был выявлен у индейцев языковой семьи же на Бразильском нагорье¹⁴. У же, как и у североамериканских индейцев, сбор в базовом поселении определялся нуждами обороны и необходимостью проведения земледельческих работ, а рассредоточение - стремлением оптимально использовать ресурсы дикой природы на большой территории. Главным мотивом концентрации служила необходимость проведения общеплеменных ритуалов, хотя с позиции внешнего наблюдателя ритуалы - не причина всего процесса, а механизм, позволявший группировке людей некоторое время сохранять свою целостность при слабости центральной власти.

Численность бродячих групп же была меньшей, чем на Равнинах (порою просто нуклеарные семьи), что связано с относительной бедностью животного мира Бразилии, рассредоточенностью объектов охоты. Но кольцевая планировка деревень с постоянным местом отдельных подразделений в пределах кольца и, главное, предельная численность обитателей таких поселений (2-3 тыс. чел.) в Южной и в Северной Америке совершенно одинаковы. Конкретные общественные и хозяйственные факторы, ответственные за подобную картину, сейчас указать трудно, но скорее всего речь должна идти о закономерностях, обуславливающих принятие решений и поддержание стабильности в группах без развитой иерархии. В обоих случаях существовала система родов и фратрий.

Принятие решений у индейцев Равнин обычно определялось консенсусом среди высших должностных лиц, а целостность общества обеспечивалась личными связями на основе родства и принадлежности к различным союзам. В мужские союзы кооптировали за заслуги. Ценились, как и во всех случаях, воинская доблесть и щедрость. Можно было принадлежать к разным союзам в одном или в нескольких племенах. Члены союзов обсуждали вопросы обороны и нападения, организовывали праздники и церемонии.

Баланс власти между нижним и верхним уровнями руководства варьировал, но склонялся в пользу первого. У ассинибойн и степных кри формальная организация выше локальной группы вообще отсутствовала. У шейенов было десять групп, каждую в племенном совете представляли четыре вождя. Омаха делились на десять родов по двум фратриям, вожди фратрий были верховными вождями племени. Интеграцию общества обеспечивали системы родства. Браки обычно заключались между членами разных локальных групп, поддерживая связи на уровне племени. Исключение составляли пауни, у которых каждая деревня считалась эндогамной. В мужские союзы также входили представители разных локальных групп. Посредники из числа уважаемых глав семей улаживали конфликты.

Наиболее значительна социальная стратификация у кэддо, точнее у пауни и особенно арикара, у которых существовала аристократия, а власть вождя была наследственной, хотя она и уравновешивалась влиянием религиозных лидеров. Общинники арикара могли достичь высокого статуса индивидуально, но их дети его не наследовали. В середине XIX в. стратификация усилилась там, где она раньше была очень слабой, поскольку возросло благосостояние. Примером служат черноногие, неожиданно разбогатевшие благодаря спросу на шкуры бизонов со стороны евроамериканцев.

Символом родовой и племенной солидарности служили свертки с предметами, считавшимися вместилищами мистической силы. Жрецы занимались общественными делами и являлись хранителями подобных святынь. Статус знахарей зависел лишь от успешности их лечения. Наличие высшей и низшей категорий религиозных специалистов отмечено у многих индейцев Америки.

Равнины известны как ареал с эндемичной военной активностью. В походах участвовали неженатые молодые мужчины, стремившиеся повысить свой престиж и для этого добыть скальп или угнать лошадей. Хотя отдельные стычки редко вели к значительным потерям, в целом в противостоянии участвовали крупные группировки племен. Так, ассинибойн сперва воевали со степными кри, затем помирились с ними и стали врагами дакота - своих родственников и бывших союзников.

Поразительная особенность черноногих - участие в военных действиях множества девушек, с детства сменивших сексуальную ориентацию и ведущих себя по-мужски. В 1844 г. один из торговцев встретил отряд из 1000 мужчин и 200 девушек, которым руководила подобная амазонка. Эти факты позволяют по-новому взглянуть на известные исторические данные о сарматах и на соответствующие фольклорные мотивы в тюркской эпике (каракалпакский "Кырк Кыз"). Речь может идти не о чистом мифе (и, естественно, не о "пережитках матриархата"), а о статистически редком, однако приемлемом для кочевого общества варианте организации.

Европейская колонизация континента по-разному сказалась на ходе развития отдельных ареалов. Определяющую роль, несомненно, сыграли заимствование лошади и распространение эпидемических заболеваний. Появление на Равнинах в конце XVI в. лошади повлекло за собой настоящую революцию во всех сферах культуры и обеспечило ее яркий, хотя и краткий расцвет в XVII–XVIII вв.

Мы не станем рассматривать разделы, посвященные недавней истории и современному положению индейцев Равнин. Хотелось бы лишь отметить тактичность, сдержанность и научную добросовестность авторов при обращении к этим деликатным вопросам. Перед нами подлинно академическое издание, предлагающее максимум надежной, подробной, исчерпывающе документированной источниками информации при минимуме субъективных оценок. Остается добавить, что все статьи снабжены множеством карт, схем, рисунков и черно-белых фотографий, многие из которых являются уникальными этнографическими документами.

Примечания

¹ *Истомин А.А.* Рец. на кн.: Handbook of North American Indians. V. 12. Plateau // Этнограф. обозрение. 1999. № 5. С. 172–175.

² *Hodge F.W.* Handbook of American Indians North of Mexico. Pt 1–2. Wash., 1907–1910. Bureau of American Ethnology. Bull. 30.

³ *Steward J.H.* Handbook of South American Indians. V. 1–6. Wash., 1946–1950. Bureau of American Ethnology. Bull. 143.

⁴ *Wauchope R.* Handbook of Middle American Indians. V. 1–16. Austin, 1964–1976.

⁵ Например: *Clairborne W.* FBI probes theft of ancient bones sought by tribes // The Washington Post. 2000. September 30. З. А3.

⁶ *Sahlins M.D.* The sadness of sweetness. The native anthropology of Western cosmology // Current Anthropology. 1996. V. 37. № 3. P. 395–428.

⁷ *Sturtevant W.C.* Studies in ethnohistory // American Anthropologist. 1964. V. 66. № 3. Pt 2 (special issue: Transcultural Studies in Cognition). P. 99–131.

⁸ *Dawkins R.* River out of Eden. A Darwinian View of Life. N. Y., 1995. P. 31–32; *Shermer M.* Why People Believe Weird Things? Pseudoscience, Superstition, and Other Confusions of Our Time. N. Y., 1997. P. 34–43.

⁹ Редакция HNAI рекомендует использовать только калиброванные даты. Это вызывает определенные трудности при обращении к ранним периодам, поскольку при изучении палеоиндейцев археологи продолжают употреблять условные даты "от наших дней".

¹⁰ Для сравнения отметим, что в Леванте для докерамической эпохи следов употребления желудей в пищу не зафиксировано: *McCorriston J.* Acorn eating and agricultural origins: California ethnographies as analogies for the ancient Near East // Antiquity. 1994. V. 68. № 258. P. 97–107.

¹¹ *Campbell L.* American Indian Languages. Oxford; New York, 1997. P. 112; *Foster M.K.* Languages and the culture history of North America // Handbook of North American Indians. V. 17. Languages. Wash., 1966. P. 75–76.

¹² *Cavalli-Sforza L., Menozzi P., Piazza A.* The History and Geography of Human Genes. Princeton, 1994. P. 323–324, figs. 6.9.2, 6.10.1, 6.10.2. Более ста лет назад Боас указывал на внешнее сходство южных атапасков с пуэбло и на их несходство с северными атапасками как на классический пример отсутствия связи между расой и языком: *Boas F.* Race, Language, and Culture. Chicago; London, 1940. P. 153.

¹³ *Steadman D.W.* The population shuffle in the Central Illinois valley: a diachronic model of Mississippian biocultural interactions // World Archaeology. 1988. V. 30. № 2. P. 306–326.

¹⁴ *Margolis M.L., Carter W.E.* Brazil. Anthropological Perspectives. Essays in Honor of Charles Wagley. N. Y., 1979; *Maybury-Lewis D.*, ed. Dialectical Societies. The Gê and Bororo of Central Brazil. Cambridge; London, 1979; *Werner D.* Why do the Mekranoti trek? // Adaptive Responses of Native Amazonians. N. Y., 1979. P. 225–238.